

## ОТЗЫВ

члена диссертационного совета на диссертацию Гэн Бяо на тему «Конфуцианство в современной культуре Китая», представленную на соискание ученой степени кандидата культурологии по специальности 5.10.1 – теория и история культуры, искусства

Актуальность диссертационного исследования определена масштабами и значением современных глобализационных процессов, в которых Китаю принадлежит одна из ведущих ролей. В этих условиях знание культурных особенностей, традиций, «культурных кодов» этой страны представляется необходимым условием развития современных межкультурных коммуникаций, экономических и политических взаимосвязей, сохранения стабильности и гармонического равновесия в мире в условиях культурно-цивилизационного разнообразия. Прежде всего, большой интерес представляет китайская практика сочетания традиций (стержнем которых выступает конфуцианство) и модернизации, современных технологических прорывов.

Новизна исследования основывается на изучении первоисточников обширной исследовательской литературы на разных языках, прежде всего – на китайском, и обеспечена адекватным методологическим инструментарием.

Практическая значимость диссертационной работы состоит в возможности использовать ее результаты при разработке образовательных программ, касающихся изучения теории и истории культуры, философии культуры, религиоведения.

Первая глава диссертации посвящена реконструкции собственно основных идей и «регламентов», т. е. теории и практики конфуцианского учения в их историческом развитии от зарождения до формирования неоконфуцианства. Диссертант формулирует и обосновывает понятие «культурного кода», которое играет в дальнейшем ключевую методологическую роль в исследовании. Методологическое значение этого понятия проявляется не только при анализе конкретных культурных явлений, но и в крайне важном выводе о том, что сохранение определенных культурным кодом традиций не означает, с одной стороны, принципиальной невосприимчивости китайской культуры к влияниям иных культур, а с другой – не предполагает навязывания конфуцианства культурам с иными основаниями (с.159–160). Историческое развитие конфуцианства рассмотрено через призму его взаимодействия и интеграции на различных этапах с буддизмом и даосизмом, с учётом перехода от преимущественного решения вопросов



морали к политике и праву, а также определенной трансформации религиозно-философских оснований.

Ключевой для диссертации является вторая глава, которая должна показать значение и применение описанных культурных кодов в современной китайской культуре. Автор последовательно прослеживает конфуцианскую основу в различных сферах культуры – в художественной культуре, политике, экономике, технике и инновациях. Принципиальное значение имеет параграф, посвященный практикам сохранения культурной идентичности. Диссертант демонстрирует, что восстановление смысловых и ценностных ориентаций, базирующихся на традиционных культурных кодах, способствует формированию стабильной и актуальной модели развития общества, близкой к оптимальному сочетанию традиций и новаторства.

Материалы диссертации отражены в публикациях автора, которые соответствуют требованиям к публикации основных научных результатов, предусмотренных Положением о присуждении научных степеней. Тема и содержание работы полностью соответствуют специальности 5.10.1 – теория и история культуры, искусства.

Работа является самостоятельным оригинальным исследованием.

Вместе с тем, текст диссертации даёт основания для некоторых вопросов и замечаний.

1. Первый вопрос связан с описанием исторических трансформаций конфуцианства, которые в первой главе завершаются рассмотрением неоконфуцианства Сун-Мина. Во второй главе речь идёт о «современном конфуцианстве», причём в одном из выводов автор прямо намечает общую схему как переход «от раннего конфуцианства до неоконфуцианства в династиях Сун и Мин и до современного конфуцианства» (с.144). Между тем, если этапы трансформации от раннего конфуцианства до неоконфуцианства в первой главе в целом ясно прописаны, то исторический генезис современного конфуцианства из неоконфуцианства остался в тени. Или «современное конфуцианство» и есть неоконфуцианство? По некоторым замечаниям в связи с отношением конфуцианства к гендерным проблемам или описанием типов опер (с.124–126) можно понять, что отдельные положения неоконфуцианства рассматриваются скорее как искажение подлинного учения Конфуция и потому пересматриваются в современном конфуцианстве. Можно ли говорить о том, что современное конфуцианство на самом деле склонно к более адекватному прочтению исходных текстов, что оно есть «возвращение к истокам»? Или речь идёт о какой-то очередной интерпретации, связанной, наоборот, с новейшими



культурными веяниями, с учётом которых приходится, по сути, вкладывать в традиционные культурные коды новые смыслы?

2. Автор упоминает работы Л.С.Переломова, которые, по его словам, «показывают взаимосвязь между конфуцианством и китайской социальной политикой» (с.6). Переломов писал о переизменении в политической истории Китая идей конфуцианства и легизма (школы фацзя), вплоть до современности. По ряду позиций – прежде всего, по вопросу о соотношении ритуала и закона – классическая школа фацзя явно оппонировала конфуцианству. В диссертации об этой школе ничего не говорится. Означает ли это, что школа фацзя не оставила каких-либо значимых следов в формировании китайских культурных традиций, или что она, в конечном итоге, была интегрирована конфуцианством?

3. Одной из очень интересных тем, намеченных в диссертации, является тема влияния конфуцианских традиций на туризм, однако эта тема лишь намечена на двух страницах (с.108-109) и требует более основательного подхода. Остается непонятным – способны ли конфуцианские принципы «обуздать» коммерциализацию индустрии туризма, или, наоборот, они сами порождают явление массового туризма, а тем самым и способствуют его коммерциализации?

4. Проследившая религиозную эволюцию конфуцианства, диссертант пишет о том, что оно приобрело статус религиозной системы усилиями Дун Чжуншу, однако в дальнейшем трансформировалось в «доктрину, похожую на религию», или «приобрело черты народной религии» (с.49–50); далее мы читаем, что «конфуцианство всё же не превратилось в религию» – его религиозный статус был лишь каким-то этапом, «характерной чертой исключительно конфуцианства времен династии Тан» (с.71). Хотелось бы уточнить – что в данном контексте понимается под «народной религией» и сохраняет ли эту роль современное конфуцианство? Можно ли говорить о каком-то своеобразном «разделении труда» в отношении удовлетворения религиозных потребностей современного человека между конфуцианством, буддизмом и даосизмом? Или эти религиозные потребности – если понимать под ними отношение человека к сверхъестественным, выходящим за пределы чувственно воспринимаемой природы силам и явлениям – вообще не являются значимыми в современном китайском обществе?

Высказанные замечания не меняют в целом положительной оценки представленной работы, а скорее направлены на формирование направлений дальнейших исследовательских поисков.

Диссертация Гэн Бяо на тему «Конфуцианство в современной культуре Китая» соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 19.11.2021 № 11181/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», соискатель Гэн Бяо заслуживает присуждения ученой степени кандидата культурологии по специальности 5.10.1 – теория и история культуры, искусства. Пункты 9 и 11 указанного Порядка диссертантом не нарушены.

Член диссертационного совета  
Доктор философских наук, профессор,  
профессор кафедры философии и педагогики  
Национального технического университета  
«Днепропетровская политехника»



Г. Е. Аляев

03.02.2022

